

Милосердие как путь раскрытия Божественного присутствия (из опыта Богообщения Моисея, Илии, Иоанна Крестителя).

Как рассказывает евангелист Матфей, после Преображения Христа на горе Фавор, ученики спросили Его: как же книжники говорят, что Илия надлежит придти прежде? На что Иисус ответил им: «правда, Илия должен придти прежде и устроить все; но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе» (Мф 17:10-13).

Почему же не узнали? Почему духовные вожди израильского общества отвергли сначала предтечу Мессии - Иоанна Крестителя, а затем и самого Мессию.

Чтобы ответить на эти вопросы, вернемся во времена жизни и служения пророка Илии, а точнее, в тот драматический момент его жизни, когда он оказался на горе Хорив, едва ли не в той же самой пещере, где по Божьему промыслу, за 5 веков до него, оказался Моисей, ставший свидетелем величественной картины Богоявления.

Как известно, в этой пещере между Илией и Богом состоялся примечательный диалог. Господь спросил пророка: «что ты здесь, Илия?» На что он ответил: «возревновал я о Господе Боге Саваофе, ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечом; остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее: И сказал (Господь): выйди и стань на горе пред лицом Господним. И вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра.

Услышав [сие], Илия закрыл лице свое милотью своею, и вышел, и стал у входа в пещеру. И был к нему голос и сказал ему: что ты здесь, Илия?». И снова Илия ответил Богу теми же словами: «Возревновал я о Господе...» (3Цар 19: 9-14).

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и заметить, что, употребив выражение «веяние тихого ветра», переводчик проявил чрезмерную вольность при переводе, поскольку, в масоретском тексте в этом месте стоит - קוֹל הַדְּמָמָה הַרְקָה, что буквально означает: «голос тонкой тишины».

Возможно кому - то подобное сочетание слов покажется странным, однако, в иудаизме это выражение стало уже понятием, которое обозначает Божественное присутствие. Для большей ясности раввины дают такой образ: ветер, огонь и землетрясение – это слуги царя; они идут перед ним, и

предупреждают о его приближении; но по ним еще нельзя сказать, каков их господин; и только тишина, которая наступает, когда проходит сам царь, может передать ощущение его присутствия.

Но даже и по «голосу тонкой тишины» еще немного можно сказать об этом Царе. Это еще тонкая оболочка, скрывающая свет славы Божьей – свет Истины.

И вот в этот свет откровения, к которому Илия так стремился, ради которого он проделал долгий путь - ему войти не удалось. В ожидании этого ослепляющего света он даже прикрылся милотью, но все напрасно – он вновь слышит все тот же вопрос Господа: «что ты здесь, Илия?».

Так почему же Илии не удалось увидеть то, что было открыто Моисею - славу Божью? Те же раввины полагают, что хотя Илия и взошел на Хорив подобно Моисею, но на ту духовную высоту, на которой оказался в свое время великий пророк, ему взойти не удалось. И вот почему: то, что Илия поведал Богу о народе, в общем – то, было правдой; вот только слов в защиту этого народа, тех слов, которых, видимо, ожидал услышать Господь – у него не нашлось.

Но Господь лучше Илии знает, в каком состоянии находится Его народ, который Он избрал, и о котором Он имеет попечение. Более того, Ему известны, и те 7000 верных Завету мужей, которых не видит Илия. Так что, обвиняя всех кроме себя, он к тому же грешит против истины.

Господь, испытывая пророка, желает, чтобы Илия понял: если даже ему кажется, что зло торжествует, то это еще не означает, что оно победило. Кроме того, зло невозможно уничтожить силой урагана или огня. Победа может быть одержана только через раскрытие Божественного присутствия. А для этого необходимо, чтобы милость Божья встретила с милостью человеческой.

Примером тому может быть жизнь и служение Моисея. Конечно, можно сказать, что все дело тут в его особом избранничестве, ибо то дело, которое предстояло ему исполнить - было уникальным, И поэтому, Господь, уже в начале его пути, открывается ему в свете горящего терновника, и этим светом он освящается и посвящается на служение.

И далее, когда Господь дает заповеди народу на Синае, лишь один Моисей вступает во мрак, «где Бог». Хотя весь народ - и это также уникальный случай в истории Израиля – переживает момент раскрытия Божественного присутствия, и даже слышит голос Божий – «голос тонкой тишины», но ему запрещено вхождение на гору - туда, где свет.

Однако показательно то, как Моисей ведет себя в тот момент, когда весь Израиль согрешил с золотым тельцом. Понимая, что по справедливости народ достоин смерти, он взывает к милости Божьей, и умоляет Его: «да не воспламеняется, Господи, гнев Твой на народ Твой, который Ты вывел из земли Египетской силою великою и рукою крепкою, прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал» (Исх 32:11).

За такую защиту народа Моисей удостоивается еще более полного раскрытия Божественного присутствия: Господь открывает ему Свои

тринадцать имен, говорящих о Его сущности (Исх 34:6). Пророк входит в свет славы Божьей. И этот свет, что отпечатывается на лице Моисея, становится для сынов Израиля свидетельством этого вхождения.

Так что можно сказать: не только уникальность служения Моисея, но и его личные качества: кротость, милосердие, готовность принести в себя в жертву за народ, который доверил ему Господь, позволяет ему войти в свет Божественного присутствия, т.е. войти туда, куда желал войти Илия, но куда он не был допущен.

И все же Господь не оставляет своего пророка без утешения и возносит его на небо, чтобы уже там, он смог получить откровение о силе Божественной любви.

После этого события проходит еще около 9 веков, и Иоанн появляется в Иудейской пустыне, словно спустившийся с неба Илия, своим внешним видом удивительно походя на легендарного пророка (Мф 3:1; ср. 4Цар 1:8).

И все же он сам говорит, что он не Илия, и даже не пророк, он – глас Воиющего. Он тот, кто слышит «голос тонкой тишины» звучащий в пустыне, и говорящий о приближении Царя. Его служение состоит в том, чтобы, как сказано у Луки: «идти перед Ним в духе и силе Илии, чтобы возвратить сердца отцов детям и непокорным образ мыслей праведных, представить Господу народ приготовленный» (Лк 1:17).

Здесь, конечно, возникает вопрос: Илия ведь не проявил себя как настоящий пастырь Израиля. Как же Иоанн, пребывая в духе Илии, может приготовить народ? И ответ здесь может быть такой: Иоанну дан дух и сила не того Илии, который жалуется Богу на народ, а Илии вознесшегося на небеса, и там, в свете откровения, познавшего, что есть милость Божья. Неслучайно предтече Мессии дается имя - Иоанн (евр. Йоханан), что значит «Яхве милостив», ибо он призван возвещать о великой милости Божьей для всех тех, кто готов принять грядущего Мессию и Его Царство.

Евангелист Лука сообщает подробности бесед Иоанна с теми, кто приходил к нему креститься. Он не говорил с ними о тонкостях исполнения закона, но учил спасаться следуя путем милосердия: всем предлагал делиться одеждой и едой с неимущими; мытарям – не брать лишнего; воинам - никого не обижать, не клеветать, и довольствоваться своим жалованьем (Лк 3:11-15).

И этот путь спасения многими был принят. Многими, но далеко не всеми. Фарисеи – те, кто, казалось бы, более всего должны были быть готовы к проповеди Иоанна – не узнали в нем предтечу Грядущего.

Отчасти это можно объяснить тем, что Иоанн только внешне походил на того Илию, которого они знали из предания. Однако его слова и дела не укладывались в их представление о пророке, который сможет таким образом «обратить сердца детей к отцам», и тем самым проложить путь Мессии.

Но основная причина, видимо, состоит в том, что это был как раз тот случай, когда милость Божья не встретила с милостью человеческой. Все четыре евангелиста свидетельствуют о том, что Господь не увидел этой

милости у фарисеев. Так, например, Матфей рассказывает о том, как Иисус, в ответ на их упрек, что Он ест с мытарями грешниками, прямо предложил им пойти и поучиться «что значит: милости хочу, а не жертвы».

Похоже, что фарисеи, как в свое время Илия, не понимали (а может, и не хотели понять) какова сила милости Божьей. Они были твердо уверены, что только тщательное исполнение заповедей, выраженных в различных предписаниях – вот тот верный путь, следуя которому, можно войти в «святой остаток», оправдаться на Суде, спастись в День Господень. Кто же предлагал вместо этого нечто иное – тот, по их мнению, уводил людей с этого истинного пути.

Интересно, что если повнимательнее посмотреть на фарисея превозносящегося над мытарем (Лк 18:10-14), то в своих мыслях он в чем-то удивительным образом напоминает Илию в его разговоре с Богом на Хориве. Он тоже ревнитель, правда, скорее не Бога, а закона. Он также отделяет себя от «прочих»: грабителей, обидчиков, прелюбодеев, или тот же самого мытаря. И также не верит в силу Божьего милосердия, не верит, что для этих «прочих», может существовать какой-то иной путь спасения, отличный от того пути, по которому идут, как он сам, так и его собратья. Поэтому молитвенные усилия мытаря, его взывание к милости Божьей, кажутся ему тщетными.

Конечно же, такому человеку было трудно принять то, что говорил Иоанн. Но, не приняв Иоанна, он становился не готовым к встрече Мессии, не готовым услышать и понять уже Его слово.

Можно сказать, что в этом была своя закономерность: тот, кто отвергал кого-либо из народа Божьего, в конце концов, отвергал как Иоанна – предтечу Мессии, так и самого Мессию. И наоборот, мы видим, что Иоанн готовый принять всех тех, кто хотел обратиться, принимает, в конце концов, и Мессию.

Поэтому неудивительно, что когда Иоанн встречает Иисуса на Иордане, когда он слышит его голос, то сразу узнает в Нем долгожданного Спасителя Израиля и повинуется Ему.

Крестя Иисуса, он становится свидетелем раскрытия Божественного присутствия, во время которого, слава Божья в виде голубя сходит на Него, и раздается «голос тонкой тишины»: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф 3:17).

Однако Иоанн удостаивается вхождения в Божественное присутствие не только потому, что он по своему милосердию готов принять всех, но и потому, что он отвергает себя ради спасения Израиля. После того как Иисус начал путь Своего земного служения, он умалается, усекая себя – живую ветвь, которая могла бы принести много плода, - для того, чтобы дерево Израиля росло уже в пришедшем Мессии, и принесло плода неизмеримо больше.

И мы видим, что это начинается уже в Его учениках. В конце своего земного пути Иоанн приводит их к Иисусу, и те становятся уже Его учениками, и уже Он вводит их на Фаворе в свет Божественного присутствия, явно открывая им тайну Своего Богосыновства и Царства Небесного.